

ЭНЕРГИЯ

26 мая 2018

НЕВИДИМЫЙ ДОЛГ

Энергия выглядит как экономическая мера — мегаватты, баррели, эквивалент углекислого газа. Цифры, графики, отчёты. Но за этими цифрами лежат потоки, долги, господства — и чтобы сделать эти потоки видимыми, нужно больше, чем экономист: художница, активист, карикатурист, фотограф, живописец. Богатеющие страны выглядят так, словно уменьшили свой экологический след — чистое производство, зелёная политика, падающие выбросы. Но есть невидимый долг: пока продолжается потребление, грязное производство экспортируется в другие географии. Берут в долг у Китая, импортируют, делают вид, что чисто. Это механизм двойной гигиены — образ чист, реальность грязна.

«Богатеющие страны выглядят так, словно снизили свой экологический след, но на самом деле они смещают его в другие страны. Продолжая потребление, выводят грязное производство наружу.»

С 1970-х Турция показывает потребление выше своей биоёмкости — то есть берёт больше, чем природа может восстановить. Это не техническая деталь, а экзистенциальная истина: земля, на которой мы живём, отдаёт нам меньше, чем мы у неё забираем. Экологический след измеряется в шести категориях: пастбища, углерод, вода, земледелие, лес, рыбное производство — каждая отдельная строка долга. В поисках нефти у Турции нет экономически рентабельных запасов — они глубже, дороже, добывать невыгодно. Но поскольку нет серьёзного поворота к альтернативным источникам энергии, внешняя зависимость сохраняется, импорт энергии — главный источник дефицита текущего счёта. Понятие «экологических сбережений» — национальные сбережения, учитывающие не только деньги, но и убыль природного капитала — показывает: сказка о росте рассказывается за счёт поедания капитала природы.

Экономистка из Балыкесиры, выросшая в рабочей семье, прошедшая из Босфорского экономического факультета в Стамбульский технический — в системе, где средний балл 2,56 был препятствием для магистратуры — оттуда в Мармарский докторат, из Эрасмуса в Португалии в исследовательский год в Швеции — ставит под сомнение гипотезу экологической кривой Кузнецца: предположение, что по мере роста стран загрязнение сначала растёт, затем убывает — ложно. Не убывает, а перемещается. Спрятанные в международной торговле экологические потоки — это реальность за сказкой о чистом росте. В исследовании женского труда встречается похожая структурная проблема: уход образованных женщин с рынка труда нельзя объяснить только образованием или культурой — определяющим является системный дефицит услуг заботы. Субсидии на ископаемое топливо блокируют климатическую политику — когда субсидия исчезает, больше всего страдают самые низкодоходные слои общества. Везде один и тот же узор: невидимый труд, невидимый долг, невидимая стоимость.

ЯЗЫК УГЛЯ

Изменение климата — абстрактное понятие; большинству оно неинтересно. Понятие слишком большое, слишком далёкое, слишком неопределённое. Но когда вы говорите «уголь», когда формулируете его как риск для здоровья — загрязнение воздуха, астма детей, дыхательные трудности стариков, дым из трубы тепловой станции — люди реагируют. От абстрактного к конкретному, от глобального понятия к станции рядом с домом дяди Али. Начинать не с глобального понятия, а с вопросов повседневной жизни, запертых в локальном — единственный путь, приводящий людей в движение.

«Когда конкретно — люди приходят в движение. Рядом с домом дяди Али построят тепловую станцию, здешние люди заболеют — отсюда и начинается. А потом ты уже можешь пойти и до изменения климата.»

Политический социолог, родившийся в Стамбуле, прошедший от Босфорского экономического к докторату по социологии в канадском McGill, исследует отношения государство — гражданское общество — рента. Работает на факультете политологии Бахчешехирского университета. С 2008 года исследует экологические организации — связь борьбы против угля с темами здоровья, коммуникация климатических изменений, динамику мобилизации гражданского общества. Подписание Парижского соглашения (2015) стало неожиданным источником легитимности для угольных активистов — в 2016 году эта международно-правовая отсылка дала опору местной борьбе. Засуха в Конье, высыхающие листья олив — это объясняет людям больше, чем изменение климата. Турция экологически очень богатая страна — но и её способность опустошать это богатство высока. Экологическое богатство и способность экологического разрушения живут в одном теле. Развивательский дискурс — главное препятствие для борьбы — потому что обещание роста легитимирует разрушение.

В кампании «Зелёный путь» активист ходит по горам, пытается организовать народ — но воспринимается как «анархист». Проблема перевода знания такова: пропасть между глобальным теоретическим знанием и местной практикой не закрывается доброй волей. Начинать с конкретного, с жизни людей — другого пути нет. Угольные активисты это поняли: вместо абстрактных климатических целей сказать «воздух твоего квартала загрязняется, твой ребёнок болеет» — это язык, приводящий людей в движение. Можно перекинуть мост от личного имени к глобальной теории — но опоры моста должны стоять на местном. В треугольнике государство — гражданское общество — рента экологическая борьба всегда остаётся на полях — но когда она начинается на местном, эти поля могут стать центром.

ЦЕПЬ

Атомная энергия преподносится как решение климатического кризиса — но это неверно.

«Атомную энергию нельзя рассматривать в одиночку. Мы должны мыслить её внутри ядерной цепи. От добычи урановой руды до производства электричества — и в конце плутоний, грамм которого стоит 4000 долларов, играет всем миром на пальце.»

Радиоактивные отходы, тепловое загрязнение, риски цунами, штормов, землетрясений — список рисков длинный, и каждый пункт — иное лицо катастрофы. Если уровень воды в Аккую поднимется, 12 реакторов могут уйти под воду. Атомная энергия выглядит как техническая проблема, но это геополитика, отношение силы, вопрос суверенитета.

Один экономист и профсоюзный работник прожил два года в Японии, в 1999 году во время землетрясения находился в Парке мира Хиросимы. Катастрофа в Фукусиме (2011) изменила его жизнь — трижды ездил в Фукусиму, занялся ядерными исследованиями, начал писать в Yeşil Gazete. Сейчас — и докторант, и второй магистр — по социологии и гражданскому обществу — координатор nükleersiz.org, полноценная борьба. Синоп, Мерсин, Игнеада — проекты ядерных станций Турции — каждый отдельная карта риска. Кампания «Каракушлар Карадениз»

— человек по имени Хюсейн в течение трёх месяцев гребёт тысячу километров, превращает своё тело в политическое действие. Это самая обнажённая форма эстетико-политического действия: тело, послание, движение.

Песня Назыма Хикмета о Хиросиме, услышанная в детстве — тяжесть, которую несёт стихотворение, спустя десятилетия превращается в чувство личной ответственности. Чернобыль и Фукусима превратили эту песню в реальность. Атомную энергию продают как климатическое решение, но если считать по всей ядерной цепи — экологическая цена добычи урана, потребление энергии при переработке, тысячелетняя радиоактивность отходов — уравнение совсем не выходит чистым. Геополитика плутония, международное лоббирование показывают, что вопрос энергии — не технический, а политический.

ЖИТЬ, НЕ ПРОИЗВОДЯ МУСОРА

Женщина, родившаяся в Трабзон-Сюрмене, чьё детство прошло между школой и сельскохозяйственной жизнью, прошла путь от помощника воспитателя в подготовительной группе до художественного образования в Мимар Синан — и вернулась в свою деревню одна. Жить женщиной в деревне в одиночку, превращать экологическую чувствительность в часть повседневной жизни — это одновременно и одиночество, и сила. Само её присутствие даёт смелость другим женщинам; принимать недостатки и брать ответственность рождает силу.

«Я использую искусство как инструмент в моей собственной жизни и в местности, где живу. Чтобы, критикуя систему, не служить этой же системе, мне нужно было прежде всего жить так, чтобы не производить мусор.»

Превращать пластиковые пакеты в художественный материал, превращать отходы в выражение — музыка, перформанс, живопись, мультидисциплинарная практика. В её деревне яма от медного рудника была превращена в свалку отходов — против этого она устраивает протестную выставку, но не ограничивается лишь оглаской, а создаёт пространство совместного решения. Создаётся Чамбурлийское общество природной культуры и искусства — как НКО, коллективная борьба сильнее индивидуального художественного действия. История, рассказанная детям рабочих через искусство, слушается ими внимательнее — самая прекрасная сторона искусства в том, что оно касается людей. Выйти из системы — это не только индивидуальный выбор; быть примером, давать смелость другим — превращается в источник коллективной силы. Само присутствие одной женщины, живущей в деревне в одиночку, расширяет возможности.

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ РИТУАЛ

Карикатурист, родившийся в 1985 году, с 2006 года еженедельно ведёт колонку в *Penguen* и *Uykusuz* — 12 лет непрерывной рутины. Еженедельная карикатура — это форма записи, соединяющая политическую повестку с поп-культурой и наблюдениями за городом. Когда это повторяется, она перестаёт быть колонкой в юмористическом журнале и превращается в нечто вроде летописи, в проект учёта. Альманахи, выставки, форматы календарей — актуальное эволюционирует в архив, юмор — в исторический документ.

Экология — область, привлекающая в общей политической повестке очень мало внимания. Но связи можно проводить: можно начать с актуальной политики и привязать её к атомной энергии — мастерство карикатуриста как раз в этих переходах. В проекте фильма *Nükleer Alaturka* с режиссёром работают уже больше трёх лет — производство визуализаций и инфографик, карта ядерных катастроф, условия Аккую, индустриальная топография распределения угля и атома.

Фигура Стоящего человека — политическое действие, выполняемое телом — показывает: когда соединяются перформанс, текст и образ, появляется совсем иная сила коммуникации. Так же как тело, гребущее в кампании *Каракушлар* — движение приходит раньше слов. Юмор и политическое послание должны идти вместе — но это очень трудный баланс. Рисовать карикатуру об экологии — это усилие вынести в центр повестки то, что остаётся на её самом краю. Для устойчивости необходимо работать с другими дисциплинами — карикатурист в одиночку не справится, нужно производить вместе с режиссёром, исследователем, активистами.

ДЖЕРЕЯН

Фотограф, родившаяся в Урфе, окончившая магистратуру в SVA в Нью-Йорке, годами работает над проектом о воде, потоке и энергии — серия *Sereyan* («Ток»). Старые фотографии, найденные у антикваров, негативы рабочей семьи, обнаруженные во время воркшопа на кампусе *Силахтарага* — память, это материал фотографии. Первые работы родились из этих архивных находок.

С 2007 года шесть-семь лет исследования проекта GAP: сон деда — стихотворение, что Харран «превратится в море» — и потом реальность. Мы подаём природу в утилитарной рамке: вынимаем камни, отрезаем воду, отмечаем это как развитие. Но эта засуха за границей становится причиной войны. Границы есть, но у природы нет никакой границы — шквал вмиг наносит на посеы песок и огонь, этот образ стал основным состоянием проекта.

В нью-йоркской арт-резиденции «Домашнее искусство» внутри кровати настраивается капельный полив фасоли из бутылки — настолько тонок баланс природы. Наше же вмешательство очень грубо и ошибочно. Археология, геология, Месопотамия — от Гёбекли-Тепе до раннего Византийского — места, ушедшие под воду, движения населения, экономия и цикличность. Когда географический масштаб растёт, граница между местным и глобальным становится размытой. Цикл бесед «Текрар-Дёнгу» — от циклов звёзд Али Альпера до экологических циклов — сводит вместе разные дисциплины. Sereyan — и электрический ток, и поток воды, и неожиданное событие — сама суть слова и проекта. От хлопковых полей до уходящих под воду древних городов, от движений населения до строительства плотин — каждый из них — иной момент того же цикла. Достичь детей, увидеть, что то, что делаешь, доходит — это знание, носимое в кармане, не выразимое словами, но работающее.

СКЕЛЕТ ГОРЫ

Художник, родившийся в Анкаре, выросший в Стамбуле, выпускник Мимар Синан Изыщных Искусств — на художественном рынке с 2002 года, 10 персональных выставок. Путь, начавшийся в 2004-м с индустриальных пространств и брошенных заводов, оформлен через тему отходов и отсутствия — сама заброшенность — и эстетика, и критика. После Гези 2012-го эволюционирует к настенным граффити, затем — к каменоломням. Мраморные карьеры Каррары в Италии, разные точки в Турции — то, что вы видите — скелет горы, обнажённый, обездёрнутый, ранящий.

«В мраморных карьерах ты видишь скелет горы — это причиняет мне сильную боль. Но я должен найти живописный язык.»

Расстояние между прошлым ландшафтом и нынешним разрывом — тема холста. Серия «Fill in the Plant»: искусственная природа, вертикальные сады, забетонированные участки — пока вырубаются миллионы деревьев, мы обманываем себя несколькими горшками. Эти искусственные зелёные румяна — эгоистичное решение.

Перекрывает ли «красивое» то, что картина показывает плохое? Коллекционер купит эту картину, повесит на стену и увидит как нечто красивое — но не сотрёт ли это послание? Может быть. Но эстетический выбор не заставляет забыть — он создаёт иной путь напоминания. Произведение

искусства продаётся, попадает в коллекцию, становится престижным товаром — это противоречие, вопрос, который художник задаёт самому себе. Делает ли красивый предмет критику недейственной? Напряжение между эстетизацией природы и одновременной её критикой ощущается всегда — но вместо того чтобы бежать от этого напряжения, нести его — это честность.

АЛЬТЕРНАТИВНОЕ СЛОВО

Сегодня здесь произведено альтернативное слово.

«Если бы вокруг энергии собрались совсем другие люди — бюрократы, члены политических партий, инвесторы — били бы по развитию, били бы по национальному суверенитету. Но мы, говоря о той же теме через циклы, через господство, которое человек устанавливает над природой, произвели альтернативное слово.»

За этим столом говорили на ином языке — вместо «ядерного энергорешения» — «ядерная цепь», вместо развития — господство, вместо роста — цикл. И изменение языка — это изменение взгляда.

Документирование — это не то же, что быть ориентированным на решение, но оно не менее ценно. Просто архивировать, обозначить и создать у людей различие — этого может быть достаточно. Можно быть и активистом, и художником — есть художники, называющие себя «активистами», есть и не называющие. Важно не то, какое из этих определений вы выбираете, а то, что вы делаете. Не видеть природу как отдельную вещь, помнить, что мы часть её — насилие над природой есть насилие над собой. Нам нужно об этом напоминать, нам, по сути, нужно любить самих себя. Не обязательно быть ориентированным на решение — иногда достаточно самого присутствия, свидетельства, записи.

Семеро людей — экономистка энергии, политический социолог, антиядерный активист, художница, живущая в деревне, карикатурист, фотограф, живописец — из разных географий (Балькесир, Стамбул, Трабзон, Урфа, Анкара), разными путями коснулись одной темы. Каждый брался за понятие энергии с разной стороны: экономическая энергия, политическая энергия, ядерная энергия, жизненная энергия, коммуникационная энергия, преобразующая энергия, эстетико-этическая энергия. Расчёт экологического долга, анализ политического дискурса, карта риска ядерной катастрофы, коллективный путь художественного вмешательства, еженедельная запись истории, визуализация преобразования, опрос эстетики — всё это разные лица одного вопроса. Чем медленнее растут деревья, тем больше энергии и тепла они дают — медленность — это накопление. Но у всего есть цена. Атом, уголь, электростанция — каждая что-то берёт у природы и отдаёт обратно с долей риска. Это и есть преобразование.

Энергия — не экономическая мера, а циклическое явление, и напротив неё стоит история господства человека. Оставить язык системы и перейти к другому — вместо развития — цикл, вместо суверенитета — равновесие, вместо роста — сбережение — это политическое действие. Понятие социально-экономического метаболизма — как мы, как сообщества, организуем своё окружение, входы извне, переработку внутри, выходы наружу — эта рамка выводит вопрос энергии из технической проблемы в экзистенциальный вопрос. И этот вопрос можно задавать на вне-дисциплинарном столе, размножаясь как ризома, когда сходятся академия, искусство и активизм. Память и история раскопаны за этим столом — старые фотографии, еженедельные карикатуры, археологические следы, свидетельства Фукусимы. Всё это — проект «не давать забыть». А не давать забыть — это политическое действие не менее, чем преобразовывать.